

«СИНЯЯ БОРОДА» ИЗ ЧЕБОКСАР

«...Прежде чем написать это письмо, я много думала, много перестрадала. Я пришла к убеждению, что моя печальная судьба и еще более трагичная судьба моего ребенка, попавшего в беду из-за бесчестного человека, здесь никого не волнует.

Зоя Ш. (Чебоксары)»

Валерий АГРАНОВСКИЙ

РУКИ за спину, уважаемый читатель, — я буду знакомить вас с подлеем. Не верьте его словам, взвешенным и продуманным заранее, не поддавайтесь очарованию его улыбки, отработанной перед зеркалом.

Я сказал этому человеку: «Мне все известно про вас, вы совершили то-то, то-то и то-то, — будете защищаться?» Он положил передо мной на стол три альбома в кожаных переплетах, удобно устроился в кресле и надел очки. В альбомах не было семейных фотографий. Там были документы. Десять лет назад он дал поздравительную телеграмму своему товарищу по случаю дня рождения — копия телеграммы, заверенная почтамтом, хранится в альбоме. «И устрица имеет врагов», — сказал он. — Видите, пригодились...»

Знакомьтесь: Аристарх Гаврилович Орлов-Шузым. Я представляю вам этого человека без малейшего удовольствия и прошу прощения за то, что буду предельно краток, описывая его похождения. Противно листать страницы нечистой биографии...

Вот они. В 1946 году Орлов-Шузым был директором Чебоксарского музыкального училища. Именно тогда он совершил шестнадцатилетнюю З., студентку первого курса, а через некоторое время, встретив ее мать, на всякий случай сказал: «У вас развратная дочь». Потом он написал З. письмо: «Добрый час и минута, дорогая моя! Мне кажется, я люблю тебя больше, чем положено по нормам. Ах, неужели что-то помещает нам быть вместе?» В ту пору он был вторично женат, у него родился второй ребенок. Письмо заканчивается таким лирическим признанием: «Хочется инат, чтобы ты чаще обо мне вспоминала. Твой и навеки твой Аристарх». Сейчас он сидит передо мной с окаменелым лицом, отрицая даже знакомство с девушкой, которой обещал себя навеки.

1960 год. Орлов-Шузым — художественный руководитель Чувашского государственного ансамбля песни и танца. И здесь опять та же грязь, та же мерзость. Бумага не выдерживает описания всех подробностей. Сколько их было, таких фактов? Три? Пять? Десять? Двадцать?

Он разнообразил свои методы, каждый раз тонко учитывая ситуацию и психологию жертв. Как правило, девушки были зависимы от него по работе. Были среди них разные, но большинство просто неопытные, очень молодые девчата. Он опутывал их паутиной лжи, шантажа. Одним обещал повысить заработную плату или вывести в солистки. Другим обещал жениться. Третьим угрожал увольнением, и все знали, что он способен выполнить угрозу. Молодость, легкомыслие, общественная незрелость приводили к тому, что девушкам казалось, будто положение их безвыходное. Им было стыдно кому-нибудь жаловаться... Наступал момент, когда Орлов-Шузым с любовным оттенком в голосе — как говорят дирижеры, «аморозо» — просил сдавшихся ему женщин: «Называй меня «эс». В переводе с чувашского это значит: «на «ты». Вслед за этим он любыми способами избавлялся от своих жертв. Он обливал их грязью, оскорблял, сживал со свету...

Слушайте, быть может, ему надо просто лечиться? Быть может, вмешательство врачей принесет больше пользы, чем

вмешательство газеты или прокуратуры? Сказать по совести, был момент, когда я так подумал. Но по мере того, как я узнавал все новые и новые подробности его биографии, я понял: он весь растленный.

Но даже его однажды любила женщина. Она была его подчиненной. Он знал, что любим. Как-то она ему сказала, что болела туберкулезом. И тогда он запретил ей с ним разговаривать. Даже по делам службы. Он боялся палочек Коха...

У него был друг, острый и справедливый человек, известный в Чувашии литератор Р. Когда-то он протянул Орлову-Шузыму руку помощи, хлопотал за него, писал ему трогательные письма. Кстати, в этих письмах доставалось одному работнику чувашского министерства культуры, не способному, как казалось автору, оценить Аристарха Гавриловича. Потом они разошлись: Р. раскусил своего бывшего товарища, открыто сказав ему об этом. И вот Орлов-Шузым посылает в соответствующие организации старые письма Р. в доказательство того, что тот плохо «выражался о начальстве...»

Хватит. Вам и так должно быть понятно, с кем вы имеете дело. Но возьмите билет, поезжайте в Чебоксары — вы убедитесь, что Орлов-Шузым окружен почетом и славой, вниманием и заботой. Он встретит вас любезной улыбкой, этот высокий и не по возрасту стройный человек, и не преминет показать вам четыре диплома о присвоении ему званий народного артиста Чувашской республики, заслуженного артиста РСФСР, заслуженного деятеля искусств двух автономных республик...

Нет, товарищи, наша тема далеко не исчерпана. Я не смею закончить статью призывом к женщинам остерегаться развратного обольстителя. Это они и без меня отлично знают. Но то обстоятельство, что Орлову-Шузыму покровительствуют, должно привлечь наше пристальное внимание. Каждый раз защитников у него оказывалось больше, чем жертв, либо они были сильнее, чем жертвы. Вот что самое главное, почти необъяснимое. Ведь жил человек двумя жизнями: официальной и неофициальной. В одной он подличал, обманывал; между тем другая жизнь приносила ему блага: деньги, звания, квартиру, почет. И никто из окружающих его в официальной жизни не хотел хоть на минуту взглянуть в другую, грязную жизнь. А если вдруг и приходилось глянуть, когда события просто заставляли это сделать, все мерзкие поступки Орлова-Шузыма вдруг обволакивались туманчиком, вязли в подробностях, уходили на задний план...

Работая директором музыкального училища, он вполне созрел для прокуратуры и суда, но его уловили тихо, с мягкой формулировкой. Он стал работать худруком Кабардино-Балкарского ансамбля песни и танца, пока не разразился скандал на всю республику. Но его опять уловили не за морально-бытовое разложение, а «по собственному желанию». Затем ему поручили руководить чувашским самодеятельным хором при Доме народного творчества. Очень скоро хор превратился в гарем. Это стало известно всем в республике. Но Орлов-Шузым все

же ушел безнаказанным. Да еще с повышением: худруком Чувашского ансамбля песни и танца. Его освободили и от этой работы, но освобождению предшествовали события, после которых, казалось, не сносить ему головы. В апреле 1962 года состоялось общее собрание артистов ансамбля, на котором ораторы говорили столь откровенно, что я не решаюсь приводить их высказывания. На этом собрании присутствовал нынешний министр культуры Чувашии (тогда он был заместителем министра) К. И. Ванюшкин. Он сказал в своем заключительном слове, что, мол, нет дыма без огня, но Орлов-Шузым даст обещание больше так не делать. Аристарх Гаврилович сидел при этом в позе нашкодившего ребенка, крутя указательным пальцем правой руки в левой ладони. Собрание постановило: указать Орлову-Шузыму на необходимость «более тактичного отношения к девушкам».

Ну, знаете...

Он наглед. И чем более он наглед, тем упорнее его защищали меценаты. Шел обоюдозависимый процесс. По законам внутренней логики. Из пятнадцати артистов ансамбля, не согласившихся с решением собрания и подписавших жалобу в Москву, сейчас осталось только пятеро. Остальные либо уволены Орловым-Шузымом, либо сами ушли из-за невыносимой обстановки для работы.

Слушайте дальше! Из Москвы в ответ на жалобу приехала комиссия Министерства культуры РСФСР. Она проработала в Чебоксарах около месяца. Выводы ее: все подтвердилось! Заместитель министра культуры РСФСР тов. Филиппов, основываясь на справке комиссии, пишет письмо министру культуры Чувашии о необходимости снять Орлова-Шузыма с работы и запретить ему впредь руководить молодежными коллективами. И Орлова-Шузым освободили — без формулировок. Он ходил по городу с гордо поднятой головой, считая себя в творческом отпуске. Не прошло и полугода, как его «попросили» (!) вернуться на прежнюю должность...

Потрясающее, ничем не объяснимое всепрощение!

Конечно, Орлов-Шузым — не убийца и не фальшивомонетчик. Он «все-навсего» подлец... Кроме того, он отличный дирижер, хоровик. Так, может, стоит быть снисходительнее к его поступкам в отношении лиц женского пола во имя всего творческого коллектива? Очевидно, так рассуждали меценаты Орлова-Шузыма...

Страшная вещь — слепое покровительство. О человеке начинают судить не по его истинным качествам, а по чьему-то мнению об этих качествах, когда-то высказанному и утвердившемуся. Страшная вещь — слепое меценатство: оно развращает подопечного, освобождая его от обязанности подтверждать свои достоинства, беречь свой талант. Да тот ли Орлов-Шузым сегодня, каким был когда-то, когда вы взяли его под свою защиту? Оглянитесь, покровители, присмотритесь, не будьте слепыми!

Перехожу к финалу — гнусному поступку Орлова-Шузыма, венчающему все его предыдущие подлости. Это случилось на гастролях в небольшом городе Крототкин в прошлом году, в июле. Артистка ансамбля М. публично обвинила Орлова-Шузыма в попытке изнасилования. М. — заслуженная артистка Чувашской республики, она двадцать с лишним лет проработала в ансамбле, мать взрослых детей, жена близкого друга Орлова-Шузыма, с которым он когда-то учился вместе, в студенческие годы снимал комнату на двоих, который и сейчас работает вместе с ним в ансамбле...

Прокуратурой города Чебоксары было возбуждено уголовное дело. Семь месяцев следователь скрупулезно собирал доказательства преступной и безнравственной деятельности Орлова-Шузыма. Более ста человек дали свои показания. Заговорили даже самые крепкие молчаливики. Дело разбухло до двух томов. Я внимательно прочитал оба тома...

Ну конечно, вот он — почерк меценатов! Характеристики-гимны. Одна подписана министром культуры Кабардино-Балкарской АССР, другая — министром культуры Чувашии... «Как вы могли такое подписать?» — спросил я последнего, и он ответил: «У нас в Чувашии есть пословица: глаза боются — руки делают...» Директор Дворца пионеров А. Стребнев написал в прокуратуру: «В лице Орлова-Шузыма мы нашли умелого руководителя и знатока душ мальчишек, а потому просим при разборе дела учесть нашу характеристику».

«Знатока мальчишеских душ»... По филармонии с утра до поздней ночи бродит маленький человек

в чепчике. Он всюду развезжает с ансамблем, сидит на всех репетициях, бродит среди танцующих на сцене балетных пар. Мать ребенка — Зоя Ш., автор письма в редакцию. Мальчику год и семь месяцев. Его зовут Павликом, но артисты ансамбля называют его «Шузыменок». Все знают, что он сын Орлова-Шузыма. Единственный, кто за год и семь месяцев не держал его ни разу на руках, не сказал ему ни одного ласкового слова, не принес ему ни одной конфеты, — Аристарх Гаврилович. Он жестоко упрямо, зло отрицает отцовство. И нет такой экспертизы, которая заставила бы его изменить свою позицию. Что касается совести, то откуда она у него? Он свою «официальную» дочь от первого брака ухитрился не видеть двенадцать лет. Он на своего «официального» сына, с которым живет в одной квартире одной семьей, платит по суду алименты, — этот «знаток мальчишеских душ»!

Присим учесть и эту характеристику.

Впрочем, учитывать негде. Уголовное дело прекращено. Семь

месяцев добросовестной работы следователя вылетели в трубу. Прокурор республики ограничился представлением на имя министра культуры К. И. Ванюшкина, в котором говорится о том, что в процессе расследования полностью подтвердились факты аморального поведения Орлова-Шузыма. «...прошу Вас, — пишет прокурор республики, — рассмотреть вопрос об освобождении Орлова-Шузыма А. Г. от должности руководителя ансамбля...»

К. И. Ванюшкин «рассмотрел». Орлов-Шузым оставлен на прежней работе.

Быть может, в Чувашии найдутся все-таки люди, которые еще раз внимательно прочитают материалы прекращенного уголовного дела, поговорят с многочисленными жертвами Орлова-Шузыма, а потом скажут и ему, и его покровителям те слова, которых они заслуживают?

ОТ РЕДАКЦИИ. После того как наш корреспондент вернулся из Чебоксар, а статья была подготовлена к печати, редакция получила телеграмму от заместителя председателя Совета Министров Чувашии тов. Егорова: «Вопрос беспринципным отношением культуры обсужден заседании Совета Министров республики. Приняты соответствующие меры. Орлов освобожден работы худрука ансамбля за неправильное поведение».

Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Но телеграмма все же оставляет странное впечатление. Опять та же мягкая и туманная формулировка увольнения. Опять вещи не названы своими именами. Разве можно похощения Орлова-Шузыма характеризовать лишь как «неправильное поведение»? И разве совместимы высокие звания, которые он носит, с его растленными и развратными действиями?

Мы полагаем, что еще будут сделаны по-настоящему серьезные выводы из всей этой возмутительной истории.